

УДК 340.124
ББК 67.1(4Фра)6-24

ИДЕИ «ГОСУДАРСТВА ЗАКОННОСТИ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В.В. Слеженков

Статья посвящена анализу эволюции концепции «государства законности» во французской юриспруденции. Автором рассмотрена история формирования и развития указанной концепции, раскрыто ее содержание, отмечены дискуссионные аспекты ее сущности, показаны теоретическое и практическое значение изученных взглядов.

Ключевые слова: государство законности, закон, власть, легитимность, общая воля, парламентаризм, легицентризм.

Становление в конце XIX в. концепции «государства законности» («Etat légal»), предшествующей утверждению идей правового государства, выступило следствием стабилизации политического режима во Франции в форме парламентской республики и утверждения доктринального приоритета юридического позитивизма, чьи аполитичность, стремление к беспристрастному обобщению достижений правовой мысли, умеренный реформизм в либерально-демократическом контексте обусловили его популярность на фоне кризиса иных политико-правовых учений, не способных выработать консолидированный теоретический идеал. Значимость этих воззрений в плане развития научного видения государства, дискуссионный характер и длительность существования политического строя, основания которого они фиксировали, обуславливают актуальность их исследования.

Идейными предпосылками рассматриваемой системы взглядов явились разработки ученых 60–80-х гг. XIX в., таких как Э. Литтре, Ж.Э. Ренан, Л.-А. Прево-Парадоль, отличавшиеся вниманием к политико-правовой традиции как важному основанию общественного строя, апологетикой умеренной демократии, обращением в этой связи к зарубежному, преимущественно британско-

му опыту, стремлением к рестрикции социальной роли государства.

Так, Э. Литтре, выступая за парламентаризм, как «в высшей степени пригодный для современного положения европейских народов», дающий гарантии и для поддержания порядка, и для нерушимости свободы, открывающий путь к реформам, указываемым опытом и прогрессом, обуславливающий «соглашение» народа и власти, становящийся источником нового легитимизма последней, заменяющего теократический [5, с. 102], в то же время прагматически рассматривал идеи права и народного суверенитета с позиций естественного соответствия текущим законам, управляющим общественным развитием, признавая возможность их ситуативного характера.

Л.-А. Прево-Парадоль считал парламентскую республику лучшей формой правления, но подчеркивал, что демократия во Франции должна быть умеренной в силу необходимости ее соотнесения с социальными, историческими, культурными реалиями [1, с. 90] и вследствие отмеченных еще А. Токвилем опасностей демократической системы, не сопровождающейся децентрализацией власти и стимулированием политической активности граждан (но позитивно оценивая, как и А. Токвиль, политический опыт США и Великобритании, мыслитель, в отличие от предшественника, выступал за ограниченность социальной роли государства) [8, с. 91]. Одобряемые им британские традиции двухпалатной парламен-

кой системы, реализации права законодательной инициативы, правительства, ответственного перед парламентом, воплотились в Конституции Третьей республики [13, р. 179].

Наконец, творчество Ж.Э. Ренана показательно в плане формулирования необходимости заимствования немецкой концепции либерального «полицейского государства», представлявшей ранний формальный вариант идей правовой государственности (так, ведущий немецкий теоретик середины XIX в. Р. фон Мольте связывал правовое государство с «полицейским», ограниченным охранительной ролью [2, с. 12], определяя его как новый тип конституционного государства, основанный на закреплении в конституции прав и свобод граждан, обеспечении механизма судебной защиты индивида [6, с. 164]), при сочетании подобного режима с реформами в аристократическом духе, исходя из «исторических оснований», как «истинно парламентской и конституционной» формы правления, предполагающей необходимость династии, знати, верхней палаты для представительства «групп и интересов» [7, с. 448].

Ряд положений, присущих ранним позитивистским взглядам, отразился и в работах последующих ученых, однако их более твердые либерально-демократические убеждения предопределили изменение воззрений в контексте апологизации парламентаризма, как воплощения суверенитета нации, и роли закона, как отражения ее общей воли, лимитирующей государственную деятельность. Основным представителем данных идей стал А. Эсмен.

Определяя государство как «юридическое воплощение нации, являющееся субъектом и олицетворением социальной власти» [9, с. 2], этот ученый утверждал, что в современности, базируясь на идеях представительного режима и формального равенства, оно служит интересам всего общества, а национальный суверенитет, заключающий отрицание классовой системы, оптимально выражается в парламентском правлении при разделении властей, которое может осуществляться и при республике, и при конституционной монархии. Обосновывая верховенство парламента, мыслитель высказывался против его полновластия (полагая, однако, это «меньшим злом», нежели приоритет исполнительной вла-

сти), выступая за двухпалатную систему, соединяющую начала прогресса и обыкновения, консерватизма [9, с. 286].

А. Эсмен придавал большое значение индивидуальным правам – равноправию, понимаемому как «одна и та же правоспособность и одно и то же распределение социальных обязанностей», индивидуальной свободе – неприкосновенности личности и собственности, свободе труда и индустрии, «моральным свободам» (совести, собраний, печати и т. д.). Но их реализация, по его мнению, не предполагает практически никаких позитивных социальных мер со стороны государства. В то же время, анализируя политические права, ученый отмечал, что народ неспособен рационально оценивать законы, вследствие чего оптимальной является представительная демократия, основанная на всеобщем избирательном праве, при которой все ветви власти черпают легитимность в нации, а также в идее независимости парламентариев.

Важнейшим элементом наследия А. Эсмена стала разработка теории правового ограничения государства, гарантию которого ученый видел в личных правах, которые обуславливают свободное развитие индивида, дают меньшинству возможность стать политическим большинством, сдерживают права государства, поскольку предшествуют ему и стоят выше него [9, с. 21]. Вместе с тем ученый заключал, что уверенность в связанности государства правом неосновательна, ведь существование Декларации прав 1789 г. не мешало несвободе и антидемократическим переворотам XIX века. В этой связи он отмечает, что природа Декларации иная, нежели у формального закона, статьи которого подлежат строгому исполнению, – хотя и заключая аксиомы справедливой политической организации, она является заявлением о принципах, бесполезность провозглашения которых отдельно от применения доказана практикой; однако ее идеи так прочно вошли в общественное сознание, что и при игнорировании властями не будут уничтожены [там же, с. 380]. Конституционных гарантий, по мнению А. Эсмена, также недостаточно для реального обеспечения прав (примером являлись коллизии норм конституций и законов в сфере ассоциаций, длительная нереализованность свободы

образования), в связи с чем разумно предположить, что Основные законы 1875 г. их не содержат [9, с. 376], включая лишь нормы о властеотношениях.

Вывод А. Эсмена выражает квинтэссенцию формального понимания законности – «закон, который уничтожил бы или нарушил вольность или право, установленное конституцией, не становится вследствие этого недействительным» [там же, с. 384]. Вотировать его не стоило бы, но принятие заставляет иметь дело с фактом – закон общеобязателен, поскольку отражает легитимно сформулированную волю нации, большинства, принят посредством демократических механизмов, оценен народными делегатами; судить же о конституционности законов, ставя в зависимость от этого их действие, в частности судебной власти, право Франции не позволяет. Вследствие этого закон выражает наиболее значимые гарантии правовой лимитации государства.

В результате А. Эсмен наделяет закон трансцендентной обязательной силой, презюмируя его состоятельность, но при этом разделяя «формальный» и «материальный» смысл закона («твердо установленные нормы, предшествующие факту, который они регулируют... и есть законы») [15, р. 14]. Он заключает, что во Франции конституционные тексты имеют значение лишь нравственного ограничения власти, выступая ситуативными политическими документами, но не видит в этом угрозы, подчеркивая, что каким бы совершенным ни было право, лучшие гарантии его реализации заключены в нравах, национальном духе, равновесной двухпалатной системе, что доказывает опыт Великобритании, где парламентский суверенитет исключает конституционный контроль, но права и свободы гарантированы оптимально.

Идеи, сходные с тезисами А. Эсмена, выражали и другие представители французской юриспруденции рубежа XIX–XX вв., в частности Т. Дюкрок, Р. Жаклин, Ш. Бедан, придерживавшиеся формальной концепции закона, приписывая его качество каждому акту, созданному парламентом в законодательном порядке, не вдаваясь в его рассмотрение по существу [3, с. 203], хотя и анализировавшие возможности введения частичного внепарламентского контроля законности по вопросам ад-

министративной деятельности (в плане изменения функций Государственного Совета в сфере административной юстиции [12]). Однако судебную власть они не рассматривали в качестве равноправной по отношению к иным, поскольку выделяли в существовании закона фазы принятия и исполнения, а споры по поводу его применения полагали случайными обстоятельствами в рамках последней, входящими в компетенцию исполнительной власти [9, с. 314].

Все право в этот период, по выражению Э. Бутми, «пропитывается догмой легицентризма, страстно явной, неукоснительно буквальной: никакое право не может возникнуть без нормативного текста...» [14, р. 15]. Ученый отмечает, что во Франции, где большинство видов социальной власти дискредитировано в период революции, власть происходит от революционных учреждений, являющих продукт соглашения разрозненных, но осознавших свободу масс, а не развития традиции, в результате чего важнейшим ее основанием становится закон, как отражение воли нации или общей воли [10, р. 146], весьма непрочной, что предопределяло властную нестабильность в XIX веке.

Э. Бутми обращает внимание, что во Франции общество разделено, власти созданы конституцией и организуются, черпая полномочия из меняющегося закона, тогда как в Англии социум характеризуется единством, власти создают и дополняют конституцию «постоянной и естественной игрой сил, заключенных в них», легитимируясь самой историей [ibid., р. 151]. Французская конституция может быть соотнесена с американской, также фиксирующей в форме императивного закона организацию и полномочия властей, однако если во Франции она являет результат установления общей воли, то в США представляет предмет соглашения отдельных и независимых политических институтов, объединившихся, чтобы создать таковую [ibid., р. 154]. Несмотря на разделение французского общества, с 1789 г. принято считать, что нация представляет единое целое, формируя общую волю, в реальности оказывающуюся волей демократического большинства, отражаемой в законе, которая и легитимирует власть, в этой связи стремящуюся к единству при оп-

ределяющей роли парламента. Такое построение государственного механизма ученый считает соответствующим социально-политической ситуации, заключая, что, по мере ее изменения, истинные демократическое равенство и национальная консолидация станут достижимыми [10, р. 173].

Таким образом, теоретические воззрения, в рамках которых был сформулирован идеал государства, существующего в виде парламентской республики, ограниченного правом вследствие действия на основе формальной законности, характеризовались легицентризмом, предполагавшим определение закона как воплощения воли большинства, относительную связанность законодателя лишь высшими императивами, определяющими базис прав и свобод, наличием ограниченного внепарламентского контроля законности в форме административной юстиции Государственного совета, нивелированием значения судебного нормоконтроля и конституции. Соответственно, законность понималась как соблюдение субъектами права требований формального закона, легитимность которого презюмировалась вследствие демократичности принятия и парламентской оценки содержания. Данные взгляды впоследствии были названы Р. Карре де Мальбергом концепцией «государства законности» [11, р. 488], что утвердилось в качестве их общего определения.

Безусловно, такое понимание государства не было безальтернативным, вызывающим критику, когда легицентризм негативно проявлялся на практике (так, Закон об уступке полномочий 1899 г. видоизменил кодекс уголовного судопроизводства в связи с пересмотром дела А. Дрейфуса, ограничив право на обжалование судебных актов) [4, с. 17]. Оппозиция ему выражалась со стороны ученых, принадлежавших к разным направлениям политико-правовой мысли, в частности умеренным сторонником социализма Б. Маломом и индивидуалистами А. Фулье и Ш.Б. Ренувье.

Так, согласно точке зрения Б. Малона, в новом обществе коллективизм не вступит в противоречие с индивидуальными правами, свободой потребления, профессии и труда; в современности же он представляет не столько антитезу социальному строю, сколько соглашение на почве справедливости между у-

пическим коммунизмом и господствующим «отрицательным» индивидуализмом, характерные для которого минимализация социального значения государства и прагматическое восприятие прав, лишенных смысла без воплощения в законе, не удовлетворяют массовым ожиданиям [17, р. 224].

А. Фулье и Ш.Б. Ренувье подчеркивали, что утилитарное восприятие права, абсолютизация представительной роли закона ведет к поглощению обществом индивида, в связи с чем теории государства необходимы иные принципы: сочетание индивидуальных и коллективных интересов, свободы и ассоциации. По мнению А. Фулье, государство будущего явится «ассоциацией ассоциаций», «свободной централизацией, вытекающей из децентрализации», совершающей в целях справедливости «искупительную деятельность», которую не в состоянии выполнить индивид [16, р. 150], тогда как Ш.Б. Ренувье считал принципом новой жизни общества «моральную солидарность» социальных групп, объединенных представлением о справедливости, предполагающую реализацию и «социалистического принципа», и «позитивного» индивидуализма, что сочетало бы развитое понимание частной свободы с обоснованием вмешательства государства в экономику во имя социальной идеи и в политику во имя его моральной функции [7, с. 507].

Во взглядах указанных авторов отразилось понимание связи социальной роли государства с гарантиями индивидуальных прав, стремление наделить последнее не только «негативными», но и «позитивными» обязанностями, критика прагматического восприятия права. Однако идеалистичность и эклектизм данных проектов предопределили их неспособность к утверждению в качестве альтернативы господствующим взглядам на государственный идеал, хотя и послужили импульсом формирования солидаризма и институционализма, впоследствии успешно претендовавших на такую роль.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить следующее:

- превалирующая в конце XIX в. система взглядов на государство, сложившаяся в рамках юридического позитивизма, представила попытку рационалистического обоснования парламентаризма и леги-

центристской традиции как оптимума государственно-правового развития, отвечающего и публичным, и частным интересам; социальная нейтральность и смягчение политических тезисов в свете идеализации представительного парламентского режима, при сохранении идей традиционализма и прогрессизма (Э. Литтре, Ж.-Э. Ренан) обусловили ее приоритет перед иными концепциями государства, развивавшимися на фоне острой социально-политической конфронтации;

- важным фактором нового понимания государства стали также либерально-демократические тезисы (Л.-А. Прево-Парадоль), в сочетании с обоснованием лимитации социальной роли государства, утверждающие приоритет парламентаризма как оптимального воплощения политической свободы и равенства, позволяющих гарантировать индивидуальные права, обусловить преемственность политической традиции, предопределить стабильность власти на основе консолидации общества;

- в итоге в рамках идей «государства законности» (А. Эсмен, Э. Бутми, Т. Дюрок) государство было определено как юридическая персонификация нации, обладающая суверенной властью, осуществляющая преимущественно в «негативной», охранительной форме деятельность в целях достижения общего блага и обеспечения индивидуальных прав на основании демократически легитимированного закона, отражающего волю большинства или нации в целом, содержащего рациональные гарантии правовой лимитации власти;

- взгляды оппонентов указанной концепции, развиваемые в контексте индивидуалистической парадигмы либеральной демократии (А. Фулье, Ш. Ренувье) и социализма (Б. Малон), отразили стремление к переосмыслению восприятия права с аксиологических позиций, расширению обязанностей государства за счет декларирования их «позитивной» составляющей в целях улучшения гарантий прав и свобод, гармонизации частной и публичной сфер, достижения социального консенсуса, однако идеалистичность и

противоречивость обусловили их смену иными доктринальными проектами.

Таким образом, идеи «государства законности» стали значимыми в аспекте совершенствования формальных гарантий правового ограничения государства и его демократической легитимации, но недостаточно четко определили содержательные гарантии, в связи с чем данная доктрина со временем подвергалась все большим сомнениям. В результате в начале XX в. во Франции были разработаны концепции правового государства – альтернативы рассмотренным воззрениям, как в плане критики со стороны конкурирующих политико-правовых учений (солидаризм и институционализм), так и в контексте ревизии в рамках юридического позитивизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев, С. В. Сущность и особенности французских Конституционных законов 1875 года / С. В. Бочкарев // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 89–94.
2. Буткова, М. В. Идея правового государства в Германии в конце XVIII – начале XIX вв. : дис. ... канд. юрид. наук / Буткова М. В. – СПб., 2006. – 179 с.
3. Дюги, Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. – М. : Тип. И. Д. Сытина, 1908. – 988 с.
4. Дюги, Л. Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / Л. Дюги ; пер. с фр. А. Бэтта. – СПб. : Вестн. знания, 1914. – 54 с.
5. Каро, Г. Э. Литтре и позитивизм : пер. с фр. / Г. Э. Каро // Русская мысль. – 1884. – Год пятый, кн. IV. – С. 78–105.
6. Ледах, И. А. Теория правового государства / И. А. Ледах // Из истории политических учений. – М. : Наука, 1976. – С. 161–180.
7. Мишель, А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времен революции : пер. с фр. / А. Мишель. – М. : Территория будущего, 2008. – 536 с.
8. Федорова, М. М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века / М. М. Федорова. – М. : Изд-во Ин-та философии РАН, 1997. – 204 с.
9. Эсмен, А. Основные начала государственного права : пер. с фр. / А. Эсмен. – М. : Тип.-литограф. В. Рихтер, 1898. – 460 с.

10. Boutmy, E. Studies in constitutional law. France – England – United States / E. Boutmy. – L. : Macmillan and Co, 1891. – 183 p.
11. Carré de Malberg, R. Contribution à la théorie générale de l'Etat, spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français. En 2 vol. Vol. 1 / R. Carré de Malberg. – Paris : Sirey, 1920. – 837 p.
12. Cours de droit administratif. – Electronic data. – Mode of access: <http://leon-delarbre.blogvie.com/2010/01/22/cours-de-droit-administratif/> (date of access: 17.04. 2010). – Title from screen.
13. Deslandres, M. Histoire constitutionnelle de la France / M. Deslandres. – Paris : Sirey, 1937. – 541 p.
14. Dubois de Carratier, L. L'influence de la culture privatiste sur la doctrine administrative au XIXe siècle / L. Dubois de Carratier // Droit écrit. – 2001. – № 1. – P. 3–26.
15. Esmein, A. Eléments de droit constitutionnel français et compare / A. Esmein. – 4eme éd. – Paris : Sirey, 1906. – 972 p.
16. Fouillée, A. La science sociale contemporaine / A. Fouillée. – Paris : Librairie Hachette, 1885. – 424 p.
17. Malon, B. Précis historique, théorique et pratique de Socialisme. En 2 vol. Vol. 1 / B. Malon. – Paris : Félix Alcan, 1892. – 352 p.

THE IDEAS OF THE “LEGAL STATE” IN FRENCH JURISPRUDENCE

V.V. Slezhenkov

The article is dedicated to the analysis of the evolution of the concept of the «legal state» in French jurisprudence. The author considers the history of formation and development of this concept, reveals its content, notes the debatable aspects of its essence, shows the theoretical and practical significance of the investigated views.

Key words: *legal state, law, power, legitimacy, general will, parliamentarism, legicentrism.*